
Л.А. Пухова

МЕЖДУ МЕЧТАМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ:
ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
(СЕРЕДИНА 1850-х — КОНЕЦ 1860-х гг.)

Я не Дон Кихот в польском вопросе.
*Наполеон I Бонапарт*¹

На протяжении почти всего XIX в. польский вопрос был одним из важных, узловых вопросов европейской политики. В дипломатическую борьбу, поводом к которой послужили события 1830–1831 и 1863 гг. в царстве Польском, были втянуты все крупные государства Европы. Впрочем, часто поддерживая устремления польской эмиграции, европейские правительства использовали польский вопрос лишь как предмет своей дипломатической игры, весьма цинично манипулируя им в зависимости от своих интересов.

* * *

Как известно, после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. польско-литовское государство окончательно прекратило свое существование. В результате этого раздела Россия получила литовские, белорусские и украинские земли к востоку от Буга и линии Немиров — Гродно общей площадью 120 тыс. квадратных километров и с населением 1,2 млн. человек. В 1831 г., после подавления польского восстания, из Российской империи выехали главнейшие деятели восстания и уцелевшие части польских войск. Первый приют польская эмиграция нашла в Австрии (Галиция) и Пруссии; прусское правительство отвело эмигрантам место для жительства и назначило даже денежную субсидию. Главная же масса эмигрантов осела во Франции, преимущественно в Париже; отдельные их кружки образовались в разных городах Франции и Южной Германии, а также в Лондоне, Дрездене и др.

Предводителем наиболее активного — консервативного — крыла польской эмиграции в Париже являлся Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) — аристократ, один из ближайших соратников императора Александра I (входил в так называемый Негласный комитет). С началом польского восстания 1830 г. Чарторыйский становится членом Административного совета, позже председателем Временного правительства, а затем председателем Национального правительства. После подавления восстания эмигрировал. Центром польской эмиграции в Париже являлся отель «Ламбер».

¹ Цит. по: *Федосова Е.И.* Польский вопрос во внешней политике первой империи во Франции. М., 1980. С. 169.

Династия Бонапартов традиционно уделяла польскому вопросу пристальное внимание, поддерживая и эмиграцию, и зачастую ее мечты о восстановлении независимой Польши. Впрочем, разумеется, Бонапарты исходили исключительно из собственных интересов, весьма цинично манипулируя польским вопросом. «Я всегда смотрел на Польшу как на средство, и никогда как на принципиальное дело», — заявил Наполеон I в 1813 г. Французский министр иностранных дел в 1811–1813 гг. Ю.Б. Маре был еще откровенней: «Если Королевство Польское и будет когда-нибудь восстановлено, оно должно быть таким, чтобы по первому сигналу 60 тысяч польских солдат на лошадях могли бы стать в авангард французской армии...»²

Крымская война оживила надежды поляков на воссоздание независимой Польши. Эмиграция приняла решение о формировании польских легионов в составе французской армии для борьбы с Россией, осуществлению которого содействовала консервативная часть эмиграции. Польский писатель Михаил Чайковский, незадолго до этого принявший магометанство и имя Садык-паша³, набрал отряд султанских казаков, однако принять участия в войне не успел. Горстка поляков помогала черкесам действовать против русских войск на Кавказе. На этом, собственно, активное участие польской эмиграции в Крымской войне и закончилось. Однако принц Наполеон, двоюродный брат императора Наполеона III, открыто раздавал обещания помочь пребывавшим в Париже польским магнатам⁴.

Впрочем, и сам Наполеон III польской проблемой весьма интересовался: во время беседы с принцем Альбертом⁵ в конце августа 1854 г. французский император заявил, что имеет заветное желание — восстановление Польши. На вопрос принца о том, в каких границах император видит это восстановление, Наполеон отвечал, что его вполне удовлетворит территория бывшего герцогства Варшавского⁶. Эта беседа получила продолжение в письменном виде, когда 26 марта 1855 г. министр иностранных дел Друэн де Люис⁷ направил графу Валевскому⁸, бывшему тогда послом в Англии, пространное письмо о положении Польши в составе

² Цит. по: Федосова Е.И. Польский вопрос... С. 169–170.

³ После 1848 г. Чайковский покровительствовал беглецам из России и Австрии, чем вызвал крайнее против себя раздражение Николая I, который собственноручным письмом к султану требовал высылки Чайковского из Турции. Когда турецкое правительство в том отказало, Николай I добился от французского правительства, чтобы у Чайковского был отобран французский паспорт. Тогда по предложению султана Чайковский принял магометанство.

⁴ См.: Тарле Е.В. Крымская война: В 2 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 251.

⁵ Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский (1819–1861) — муж королевы Великобритании Виктории. Родоначальник ныне царствующей в Великобритании Виндзорской династии.

⁶ См.: Татищев С.С. Русская дипломатия в польском вопросе (1853–1863). М., 1888. С. 150.

⁷ Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys) Эдуард (1805–1881) — государственный деятель Второй империи. В 1848 г. избран в Учредительное, потом Законодательное собрание; в январе 1850, 1852–1855 и 1862–1866 гг. министр иностранных дел при Наполеоне III.

⁸ Валевский (Walewski) Флориан-Александр-Жозеф Колонна (1810–1868) — французский государственный деятель, побочный сын Наполеона I и польской графини. В 1849 г. французский посланник во Флоренции, потом Неаполе, Мадриде и Лондоне; в 1855–1860 гг. министр иностранных дел; в 1865 г. председатель Законодательного корпуса.

Российской империи, в котором он отмечал несправедливость Венских трактатов 1815 г. и тот факт, что, несмотря на эту вопиющую несправедливость, Франция тщательно соблюдала их условия⁹. Между тем эти соглашения были в 1831 г. нарушены императором Николаем I. Теперь же Европа должна «аплодировать» попыткам Франции восстановить справедливость по отношению к Польше. По мнению Друэна, протестов со стороны Австрии и Пруссии можно не опасаться, поскольку «немецкие кабинеты сегодня достаточно осознали опасность», которая исходит от России. Министр выражал уверенность в том, что именно Англия, как союзник Франции в этой войне, признает законность и своевременность требований по восстановлению прав Польши, которые можно сделать на мирной конференции в Вене¹⁰.

Франция, таким образом, не просила у Англии воевать за восстановление Польши как независимого государства, а просила поддержать ее инициативу на будущей мирной конференции, чтобы заставить Россию соблюдать те обязательства, которые она дала по отношению к Польше в 1815 г. Однако государственному секретарю Англии эта инициатива показалась «политически неразумной и несвоевременной в данный момент»¹¹.

Был еще один документ, который стал известен только в 1863 г., — это письмо Друэна де Люиса лорду Пальмерстону¹². В нем французский министр иностранных дел писал о том, что война уже давно перешла во вторую фазу и в военном, и в военно-морском смысле; что обе страны приняли в ней почти одинаковое участие и решили воздерживаться от каких-либо исключительных действий. Но поскольку Севастополь пал, война не может продолжаться без того, чтобы не стать континентальной; Франция уже сыграла принципиальную военную роль и поддержала в ней свой флаг. Она не может принять равные жертвы в компенсациях, достаточных для их оправдания. Такие компенсации она видит в реставрации Польши...¹³ Лорд Пальмерстон ответил категорическим отказом¹⁴.

Уже 15 сентября 1855 г. новый министр иностранных дел Франции граф Валуевский поспешил повторить английскому правительству предложение своего предшественника. По его словам, нарушение Николаем I статей Венского дого-

⁹ Венские трактаты 1815 г. включают в себе следующую статью: «Поляки, как российские подданные, так и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеназванных правительств будет признан за полезнейший и пригоднейший для них в кругу его владений» (цит. по: Лависс Э., Рамбо А. История XIX в. Т. 3. Ч. 1. М., 1938. С. 23). Согласно конституции полякам предоставлялись широкие права на территории царства Польского. После Польского восстания 1830–1831 гг. она была отменена.

¹⁰ См.: *Affaires de Pologne: Documents diplomatiques*. P., 1863. P. 5–6. (Здесь и далее перевод автора.)

¹¹ *Ibid.* P. 7.

¹² Пальмерстон (Palmerston) Генри Джон Темпл (1784–1865) — виконт. С 1830 г. один из лидеров вивгов; в 1855–1858 и 1859–1865 гг. премьер-министр Великобритании.

¹³ См.: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*. St-Peterbourg, 1878. Vol. 2. P. 368–369.

¹⁴ См.: *Henderson G. The Crimean War Diplomacy*. Glasgow, 1947. P. 107.

вора не могло быть оправдано: «Ни восстание Польши, ни триумф русской армии над восставшими не могли... освободить Россию от ее обязательств...» Теперь же «настала минута сделать из восстановления Королевства Польского в том виде, в каком предусмотрено Венским конгрессом, один из существеннейших предметов в переговорах о мире, как только они станут возможными, равно как и одно из важнейших оснований означенного мира». Под конец Валуевский выражал надежду на то, что ее британское величество, обдумав это предложение, придет к выводу о необходимости принять его¹⁵. Но Англия вновь отделилась уклончивым ответом¹⁶. Для Наполеона III это было равносильно отказу. Все дальнейшие усилия императора Наполеона были направлены на скорейший переход к мирным переговорам и завершению исчерпавшей себя войны, тем более что занятие Севастополя 27 августа (8 сентября) 1855 г. полностью удовлетворило тщеславие французского императора. «Падение Севастополя, — пишет в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, — было в глазах французов таким блестящим успехом, который вполне удовлетворял народной гордости и самолюбию»¹⁷.

Более того, отныне многие устремления Наполеона III были направлены на налаживание взаимопонимания с Россией, и французский император не мог не понимать, что различие взглядов на польскую проблему — главное, что могло этому помешать. Уже сразу в беседе с первым представителем России на Парижском конгрессе А.Ф. Орловым¹⁸ 22 декабря (3 января) 1855 г. Наполеон коснулся польской проблемы: «Эта бедная Польша, стесняемая в своей религии». Вопрос о том, не может ли милосердие императора «положить конец угнетениям католической церкви?»¹⁹, пока был сугубо риторическим, поскольку Орлов не имел полномочий об этом говорить.

После подписания мирного договора 18 (30) марта 1856 г. конгресс заседал еще некоторое время и обсуждал различные частные вопросы. Здесь Наполеон III сделал попытку снова завести речь о Польше, но его предложение произнести от имени всего конгресса в ее пользу «слово милосердия и великодушия» было решительно отклонено Орловым²⁰. После нескольких бесед на эту тему, по словам Орлова, Наполеон III осознал, что польский вопрос обсуждаться не будет.

Желание французского императора хотя бы попытаться обсудить польский вопрос было вполне объяснимо, поскольку польская эмиграция, по-прежнему

¹⁵ См.: *Affaires de Pologne...* P. 8.

¹⁶ См.: *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе... С. 152.

¹⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 400.

¹⁸ *Орлов* Алексей Федорович (1786–1861) — государственный деятель, генерал от кавалерии (1833), князь (1856). Участник подавления восстания декабристов. Доверенное лицо императора Николая I. В 1844–1856 гг. шеф жандармов; в 1856 г. первый представитель России на Парижском конгрессе, подписал Парижский мирный договор 1856 г.; в 1856–1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров.

¹⁹ Цит. по: *Петров А.Н.* Парижский конгресс // *Исторический вестник*. 1891. № 1–3. С. 388.

²⁰ См.: Из донесения А.Ф. Орлова. Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. 1856 г. Д. 148. Л. 226, 258.

надеявшаяся на восстановление независимой Польши, пыталась оказывать на него всяческое давление, в частности направив письмо участникам Парижского конгресса с вопросом о том, почему не обсуждаются проблемы Польши²¹. И Наполеон III не мог не учитывать общественное мнение в своем государстве, традиционно весьма расположенное к полякам.

Кроме того, князь А. Чарторыйский многократно встречался лично с французским императором, правда, никаких конкретных обещаний он так и не смог от него добиться ни накануне Крымской войны (кроме согласия на отправку польских волонтеров для соединения с армией султана), ни после ее окончания²². Очевидно, что теперь французский император совершенно четко представлял себе, что для дружбы с Россией польским вопросом придется пожертвовать. И он был готов принести эту (весьма небольшую, надо полагать) жертву на алтарь дружбы с Александром II.

* * *

13 (25) сентября 1857 г. состоялась встреча русского и французского императоров в Штутгарте. Обсуждение текущих европейских проблем проходило спокойно и даже вполне конструктивно. Совершенно иначе обсуждался польский вопрос. Впрочем, даже нельзя сказать, что он обсуждался... «Почему бы Вам не дать [полякам] всеобщую амнистию?» — спросил Наполеон III Александра. «Для меня недопустимо амнистировать руководителей восстания, которые в эмиграции никогда не перестанут организовывать заговоры, — ответил Александр, — но я распространил амнистию на всех тех, кто выразил свою покорность. Моё желание — видеть процветание царства Польского под скипетром российского императора»²³. Наполеон ничего не сказал ни о восстановлении Польши, ни даже о предоставлении ей какой-нибудь автономии. Он лишь просил царя понять его положение в связи с общественным мнением во Франции и «пожаловать полякам что-нибудь, что, не имея действительной важности, не только облегчило бы наши отношения, но и придало бы новую силу его правительству в Польше»²⁴. Наполеон далее не настаивал на продолжении столь щекотливой темы, но этого было достаточно для того, чтобы вызвать негодование со стороны царя: «Со мной посмели заговорить о Польше!» — возмущенно бросил он своему окружению в полный голос, как только Наполеон удалился²⁵. Не исключено, что и Наполеон узнал впоследствии об этой фразе.

²¹ См.: Записка о польском вопросе, адресованная их сиятельствам представителям Франции, Англии, Австрии, Сардинии и Турции, членам Парижского конгресса; передана через его сиятельство князя Александра Колонну Валуевского, Президента Конгресса. 20 мая 1856 г. Archive du Ministère des Affaires Etrangères (AMAE). Mémoires et documents. Pologne. P. 79–99 rev.

²² См.: *Milza P.* Napoléon III. P., 2005. P. 515; *Grovestin G.-F.S. baron de.* La Russie ramenée à l'ordre et l'Europe en 1857. P., 1858. P. 32.

²³ Цит. по: *Charles-Roux Fr.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. P., 1913. P. 223.

²⁴ Так Наполеон III сказал А.Ф. Будбергу в 1863 г., о чем Будберг сообщил в своем донесении (см.: ВВПРИ. Ф.133. Оп. 469. 1863 г. Д. 118. Л. 206).

²⁵ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 3. С. 36.

С.С. Татищев возлагает вину за то, что двусторонние переговоры не увенчались «полным успехом», именно на попытку Наполеона III обсудить польские дела²⁶. Сам же Наполеон III, переживая, очевидно, за разговор с Александром II о Польше, сказал П.Д. Киселеву²⁷: «Что касается до отношений России к Франции, то я вижу только один вопрос, который может быть щекотливым. Это вопрос польский, если он должен возобновиться и занять европейскую дипломатию. Я имею обязательства, от которых не могу отказаться и должен шадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше. Об этом обстоятельстве я должен откровенно предупредить... чтобы не пришлось прервать наши хорошие отношения, которыми я так дорожу»²⁸. Позднее А.Ф. Будбергу²⁹, сменившему П.Д. Киселева на посту российского посла в Париже, Наполеон говорил, что из Штутгарта он уехал с впечатлением, что «император немного обиделся на меня за мою откровенность и что он нашел, что я вмешиваюсь в дело, которое меня не касается»³⁰.

Между тем 1860 г. ознаменовался началом беспорядков в царстве Польском. В связи с этим в конце 1860 г. Наполеон III в беседе с князем А. Чарторыйским лично объявил ему, что «не может взяться за польский вопрос, что необходимость сохранения хороших отношений с Россией принуждает его к крайней осторожности»³¹.

В последний день 1860 г. граф Киселев получил из Петербурга предписание «предъявить императорскому правительству, что в Париже под негласным покровительством принца Наполеона³² образовалось скопище польских эмигрантов», которые развили бурную деятельность по активной пропаганде идей восстановления Польши в польских и литовских землях³³. Отложив это задание до нового 1861 г. по новому стилю, 3 января Киселев отправился на аудиенцию к императору Наполеону.

Граф застал императора в «весьма хорошем расположении духа». Твердо, но в то же время очень доверительно Киселев изложил императору причины недовольства Петербурга. Наполеон III не сказал ничего определенного, однако явно со вниманием отнесся к словам Киселева, потому что уже 10 (22) января принц Наполеон (который был действительно большим полякофилом и никогда бы это-

²⁶ См.: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 180.

²⁷ Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — российский государственный деятель, граф, генерал от инфантерии (1834), министр государственных имуществ (1837); в 1856 г. назначен послом в Париж; с 1862 г. в отставке.

²⁸ Цит. по: Татищев С.С. Император Александр II... С. 180–181.

²⁹ Будберг Андрей Федорович (1817–1881) — барон; в 1851–1862 гг. российский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Берлине и Вене; с 1862 г. посол во Франции; член Государственного совета.

³⁰ Из донесения А.Ф. Будберга. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 118. Л. 206–207.

³¹ Цит. по: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1967. С. 81.

³² Бонапарт (Bonaparte) Жозеф-Шарль-Поль (1822–1891) — принц, сын Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона I.

³³ Цит. по.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время... С. 215; Татищев С.С. Русская дипломатия в польском вопросе... С. 28.

го не сделал добровольно) нанес неожиданный визит графу с оправданиями за сказанное. Оправдания были приняты, отчет был отправлен А.М. Горчакову³⁴.

Ранее, в начале января 1861 г., министр иностранных дел Франции писал французскому послу: «Его Величество решил пригласить князя А. Чарторыйского и лично сказать ему в категоричных выражениях, что чрезвычайно недоволен интригами князя... что император России является тем государем Европы... с которым он (Наполеон III. — Л.П.) более всех других желает оставаться в отношениях наиболее близких и дружественных»³⁵. А спустя некоторое время сам Наполеон III говорил польской княгине Янине Четвертинской: «Я не могу этого сделать (заступиться за поляков. — Л.П.), клянусь Вам в этом. Я нуждаюсь в России, чего Ваше разгоряченное воображение не в состоянии понять... Не пробуждайте моего нерасположения к России! Как раз в этот момент, я повторяю вам, я ничего не могу для вас сделать»³⁶.

Поляки, со своей стороны, не дремали. Их надежды на помощь со стороны Франции были еще, несмотря на разочарование результатами Крымской войны и миром в Виллафранке (а не продолжением войны за «принцип национальностей»)³⁷, очень сильны. Французский император Наполеон III провозгласил с демагогической целью «принцип национальности», т. е. принцип национальной свободы. Популярность Гарибальди и Наполеона III среди поляков стала огромной. Полякам казалось, что события в Италии предвосхищают события в Польше, что Франция окажет помощь также польскому народу. Подтверждением тому служит документ, датированный 1 (13) марта 1861 г., который Д.А. Милютин в своих воспоминаниях называет «программой». В числе прочего эта «программа» высказывалась за посылку депутатов в Париж и Лондон: «Депутации эти сначала ничего не добьются; но это не должно охлаждать их рвение, ибо главная наша цель — заставить эти правительства скомпрометировать себя пред Россией, а нам иметь повод жаловаться пред светом на их равнодушие к нашему делу. Это совет людей, хорошо знакомых с тюильрийской политикой, и подтверждением ему служит пример итальянцев, которые в течение нескольких лет, надоедая своим патриотизмом, преодолели все затруднения дипломатии и убедили императора французов сделать то, чего он никогда не хотел и о чем никогда не помышлял, то есть — оказать помощь освобождению Италии...»³⁸.

О людях, которые были так «хорошо знакомы с тюильрийской политикой», что позволяли себе пытаться просчитывать действия Наполеона III, знал, по всей видимости, в Париже и П.Д. Киселев. 7 (19) апреля 1861 г. он записал в своем дневнике:

³⁴ Донесение российского посла в Париже. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 145. Л. 17.

³⁵ Министр иностранных дел Франции — послу Франции в России. АМАЕ. СР. Russie. 223. P. 10 rev.-11.

³⁶ Донесение российского посла в Париже. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 145. Л. 17.

³⁷ В июле 1859 г. на мирных переговорах между Наполеоном III и австрийским императором Францем Иосифом в Виллафранке было установлено, что Австрия уступает Пьемонту Ломбардию, но оставляет за собой Венецианскую область. Вопрос о Савоие и Ницце не получил окончательного решения (присоединение их к Франции состоялось несколько позже — в 1860 г.). См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 59.

³⁸ Цит. по: Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 71.

«Поляки, находящиеся в Париже, говорят между собой, что на сих днях соберется в Варшаве серьезное скопище мятежников»³⁹. И действительно, 8 (20) апреля там произошли крупные беспорядки, закончившиеся разгоном мятежников с применением кавалерии и пехоты. Киселев, видимо не без основания полагая, что такая осведомленность «французских» поляков может объясняться только тем, что они же сами и организовали это выступление из Парижа, поспешил провести переговоры с Тувенелем⁴⁰. По мнению российского посла, французская сторона должна была объявить, что никаких надежд на содействие Франции поляки не должны иметь⁴¹.

Через полторы недели вопрос был решен: 29 марта (10 апреля) к Киселеву приехал Тувенель с проектом сообщения для французского официоза «Монитёр» касательно польского вопроса. Граф одобрил текст сообщения, и на следующий день оно увидело свет. «Великодушный образ мыслей Царя, — в числе прочего утверждало сообщение, — служит верным ручательством того, что он желает провести на деле преобразования, возможные в настоящем положении Польши, и надо желать, чтобы этому не послужили помехой ему манифестации, которые способны раздражить его»⁴². В сообщении подчеркивалось, что периодическая печать и общественное мнение во Франции не должны увлекаться надеждами на то, что французское правительство поддержит Польшу, ибо осуществление мечтаний поляков не во власти Франции.

3 (15) апреля Киселев встретился с принцессой Матильдой⁴³, с которой он обычно очень подробно обсуждал все дела касательно России (принцесса была известна своими прорусскими взглядами). Матильда заверила Киселева в том, что лично она верит в искренность заявления «Монитёр» и что сам Наполеон III свое мнение о поляках всегда выражал примерно так: «Эти поляки — неисправимые и безумные поджигатели, их нелепые мечты не должны давать повода к нарушению спокойствия Европы. Я дорожу добрыми отношениями с Россией»⁴⁴.

Тем временем 8 (20) апреля 1861 г. Наполеон III написал императору Александру II письмо, в котором умолял царя не верить «вероломным инсинуациям»: «Мне нет необходимости говорить Вашему Величеству, насколько слухи бывают абсурдны... Что касается последних волнений в Варшаве... их развитие все больше касается моих интересов. Первым их результатом стало сближение России с Австрией и Пруссией и отдаление от Франции, поскольку в этих странах почти не отделяют движения в Венгрии и Италии от польского движения; с другой стороны, я не могу скрывать, что польский вопрос, возникнув, разбудил во Франции

³⁹ Цит. по: *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 226.

⁴⁰ *Тувенель* (Thouvenel) Эдуард-Антуан (1818–1866) — французский политический деятель. В 1849–1850 гг. был французским посланником в Афинах; в 1850–1851 гг. посланником в Мюнхене; в 1851 г. после переворота 2 декабря призван в Париж в Министерство иностранных дел; в 1856 г. назначен сенатором; в 1860 г. назначен министром иностранных дел на место Валуевского; в октябре 1862 г. вышел в отставку.

⁴¹ См.: *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 226.

⁴² *Moniteur*. 1861. 11 авг.

⁴³ *Бонапарт* (Bonaparte) Матильда (1806–1873) — племянница Наполеона Бонапарта и двоюродная сестра Луи Наполеона III.

⁴⁴ Цит. по: *Заблоцкий-Десятковский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 228.

старые симпатии, которые ставят меня между общественным мнением в моей стране и моими чувствами к государю, который на протяжении последних пяти лет был моим самым верным и близким другом»⁴⁵.

Прочитав письмо французского императора, Александр II в беседе с Н.-О. Монтебелло⁴⁶ признал, что оно произвело на него очень хорошее впечатление⁴⁷. В ответном письме Александр, однако, отмечал: «Неопределенность в Ваших намерениях относительно Польши, агрессивность прессы и, особенно, общеизвестность доброжелательности, которая высказывается в Ваш адрес за прямо выраженные враждебные интересы по отношению к интересам моей империи, можно понять как один из элементов раздора между нами. Будет правильным принимать во внимание противоречивые чувства французского народа по отношению к воспоминаниям прошлого... Но эти произвольные инстинкты могут управляться так же, как и беречься. Они приговорены разумом и политическим здравомыслием, так как они были направлены на то, чтобы парализовать благочестивые намерения, доказательства которых я уже предоставил в отношении Царства Польского⁴⁸, а также на то, чтобы поддержать невыполнимые стремления. У меня есть шанс полагать, что Вы не остановитесь на полпути в этом направлении, что Вы не ограничитесь конфиденциальными объяснениями, ценными для меня, не производя эффекта на публику, которой это совершенно безразлично... Я должен повториться: польский вопрос поставлен в такие рамки, что внешнее давление не может оказать влияния на его решение. Серьезные волнения, о которых Вы мне сообщаете, существуют, несмотря на наши с Вами усилия, и они плохо влияют не только на то, что касается ситуации с Польшей, но также и на общую политику... Ваше письмо, Ваше Величество, доказывает мне, что Вы разделяете мою точку зрения по этому вопросу. Я очень хочу иметь возможность рассчитывать на помощь в поддержании прочного союза, в котором ситуация, сложившаяся в Европе, нуждается как никогда»⁴⁹.

23 апреля официальный «Монитор» вопреки всем французским газетам, занявшим сторону поляков, опубликовал сообщение, в котором утверждалось, что французское правительство не собирается «поощрять надежды, которым не суждено сбыться»⁵⁰. И в письме французскому послу от 1 мая 1861 г. министр иност-

⁴⁵ Из письма Наполеона III Александру II. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1861 г. Д. 60. Л. 3–4; упоминание об этом письме есть в книге: *Martel R. La France et la Pologne*. P., 1931. P. 43–44.

⁴⁶ Монтебелло (Montebello) Наполеон-Огюст (1801–1874) — герцог. Морской министр в кабинете Ф. Гизо; в 1849 г. член Законодательного собрания; в 1858–1864 гг. посланник в Санкт-Петербурге.

⁴⁷ См.: Французский посол в России — министру иностранных дел Франции. АМАЕ. СР. Russie. 224. P. 17.

⁴⁸ Согласно указу Александра II от 14 марта 1861 г. в царстве Польском создавались: Государственный совет под председательством наместника; Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения во главе с поляком-католиком; губернские, уездные и городские советы, главная школа.

⁴⁹ «Европа пережила беспокойные времена»: Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. / Подгот. Л.А. Пухова // Исторический архив. 2007. № 6. С. 167, 170.

⁵⁰ Цит. по: *Aubry O. Le Second Empire*. P., 1957. P. 361.

ранных дел отмечал: «...правительство императора не может равнодушно наблюдать за теми манифестациями, которые происходят в Польше, и мы считали полезным снова выразить свое мнение по этому вопросу. С этой целью мы опубликовали в “Moniteur” ноту, которую Вы уже видели и которую я сообщил графу Киселеву... Император, кроме того, хотел бы выразить лично императору Александру свои чувства и написал ему письмо...»

Мне нет необходимости говорить вам снова, господин герцог, что Польша всегда пользовалась симпатиями во Франции, так что ни одно правительство не могло игнорировать этот факт... Правительство императора должно считаться с этой ситуацией, несмотря на то что его искренним желанием является устранить все недоразумения в отношениях с российским кабинетом... Император вполне ясно выразил... что ни в коем случае он не хотел бы охлаждения отношений между двумя кабинетами...»⁵¹

Опубликованная в «Монитёр» нота французского правительства и письмо Наполеона III произвели положительное впечатление на российского императора: «Господин герцог, — сказал мне император, — я прочитал письмо императора Наполеона; оно произвело на меня чрезвычайно хорошее впечатление, и я отвечаю с такой же искренностью... В особенности я был тронут его словами о том, что на протяжении последних пяти лет я был его наиболее близким и верным союзником; передайте ему, что я останусь таковым и сделаю в этом направлении все, что от меня зависит. <...> Статья в “Moniteur” произвела правильное впечатление в Польше, и я оценил должным образом те заверения, которые выразил мне император в своем письме»⁵². 18 (30) мая 1861 г. министр иностранных дел Франции в письме к французскому послу в России отмечал: «Господин герцог, император получил письмо императора Александра. Ход мыслей Его Величества относительно близости и доверия, установившихся между двумя правительствами, не мог быть лучшим и более отвечать нашим чувствам... Доказательства того, что мы, со своей стороны, уже тоже подтвердили верность этим чувствам по основным политическим вопросам, должны быть столь же очевидны для кабинета Санкт-Петербурга, как и наше поведение в трудной проблеме Польши. ...Я повторяю вслед за Его Величеством что у нас не было и мысли поощрять события, которые могут испортить отношения, которые мы получили столь дорогой ценой...»⁵³ Действительно, совершенно очевидно, что Наполеон III и его правительство оценивали свое поведение в отношении польской проблемы фактически как идеальное.

1862 г. начался для всех беспокойно. Польским вопросом все более активно занимались Англия и Пруссия, преследуя свои цели. В английском парламенте польский вопрос обсуждался ничуть не меньше, чем во французском. 4 апреля лорд Пальмерстон в своей речи рассказывал о «неодолимом, нескончаемом, неистощимом» патриотизме поляков и о тех «разочарованиях», которые им неког-

⁵¹ Министр иностранных дел Франции — послу Франции в России. АМАЕ. СР. Russie. 224. P. 10.

⁵² Ibid. P. 17 rev.–18.

⁵³ Ibid. P. 112–114.

да причинил первый французский император⁵⁴. И хотя впоследствии Наполеон III часто обвиняли в том, что он совершенно никак не реагировал на эти выпады англичан и все, «что позволил себе Наполеон III, намекнуть барону Будбергу, едва ли не на первой данной ему аудиенции, что европейский конгресс составляет, по мнению его, самое действительное средство мирного разрешения многих затруднительных вопросов, в том числе и польского»⁵⁵. Напротив, Наполеон III активно интересовался польским вопросом. Возможно, причина такого мнения кроется в том, что барон Будберг поначалу не пользовался большой популярностью у французского императора и его супруги; Евгения считала его сухим и черствым человеком. А вот с графом Киселевым, который остался жить в Париже, периодически покидая его лишь на время, и Наполеон III, и Евгения продолжали с большим удовольствием обсуждать как политические вопросы, так и вопросы внутреннего развития Российской империи, Великие реформы и их возможные последствия⁵⁶.

Во время встречи 8 (20) июня 1862 г. с графом Киселевым Наполеон III выразил свое одобрение тех мер, которые были приняты в Польше и от которых он ожидал «самых лучших последствий», а также с большой симпатией отозвался о великом князе Константине Николаевиче⁵⁷, «за которым признает ум и способность управлять сообразно видам Государя»⁵⁸, несмотря на то что французский посланник в России писал в своих донесениях, что, по его мнению, «под управлением маркиза Велопольского Польше было бы лучше»⁵⁹. 16 (28) октября 1862 г. и императрица Евгения в беседе с Киселевым высказала свое мнение о проблеме Польши: «Если бы спросили меня, то я посоветовала бы оставить поляков самим себе, предоставляя им выбрать себе короля». Граф признал, что перегибы царствования Николая I вполне законно могут вызывать недовольство со стороны как поляков, так и Европы, но подчеркнул, что «все эти строгости были последствием духа пропаганды католического духовенства, которое считало православных за язычников...»⁶⁰. В результате каждый остался при своем мнении.

⁵⁴ Цит по.: *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе... С. 34.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: *Посол Франции в России — министру иностранных дел Франции.* АМАЕ. СР. Russie. 227. P. 8.

⁵⁷ *Романов Константин Николаевич (1827–1892)* — великий князь, второй сын российского императора Николая I. В 1849 г. назначен присутствовать в Государственном совете и Адмиралтейств-совете. В 1850 г. возглавил Комитет для пересмотра и дополнения Общего свода морских уставов и стал членом Государственного совета и Совета военно-учебных заведений. Вице-адмирал в 1853 г. Адмирал в 1855 г. С 1855 г. управлял флотом и морским ведомством на правах министра. В 1857 г. был избран председателем комитета по освобождению крестьян, разработавшего манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Наместник Польши с июня 1862 до октября 1863 г. В 1865 г. назначен председателем Государственного совета. После смерти Александра II его сын император Александр III постепенно отстранил Константина Николаевича от большинства постов.

⁵⁸ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 301.

⁵⁹ *Поверенный в делах — министру иностранных дел Франции.* АМАЕ. СР. Russie. 227. P. 136.

⁶⁰ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время... С. 301.

* * *

Дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг польского восстания 1863 г., подробно и практически полностью описана в книге В.Г. Ревуненкова⁶¹, поэтому здесь мы постараемся дополнить уже существующий анализ, используя новые архивные и не введенные в научный оборот материалы: воспоминания Д.А. Милютина, личные письма Наполеона III из Национальных архивов Франции и АВПРИ и др., чтобы максимально полно раскрыть положение и роль польской эмиграции в связи с восстанием в царстве Польском в 1863 г.

В самом начале 1863 г. произошло польское восстание, начавшееся в ночь на 11 января 1863 г. одновременным нападением на 17 русских гарнизонов, дислоцированных в небольших городах и местечках.

По всей видимости, французский император был действительно приведен в уныние. Теперь он должен был ответить для себя на вопрос — стоила ли Польша того, чтобы пожертвовать почти семилетними усилиями по завоеванию дружбы Александра II. Его изначальная позиция по поводу восстания была абсолютно твердой: «Я проклял его, как дело Мадзини... Я не желал поощрить предприятие, могущее увеличить число жертв»⁶². Одновременно французское правительство уверило русское, что отношение Франции к России осталось неизменным: «Мы будем свято держаться нашего обычного образа действий, добросовестно выполним обязанности, возлагаемые на нас дружеским характером наших отношений с петербургским кабинетом, наконец, не перестанем советовать умеренность и порицать все, имеющее сходство с анархическими и революционными стремлениями»⁶³. Выступая 5 февраля в Законодательном корпусе от имени императора, государственный министр Бильо высказался по поводу польского восстания в весьма сдержанном тоне. Он заявил, что видит в этом движении лишь революционную вспышку. Но какое значение имели его слова? «Вся Франция подымалась в братском порыве в защиту Польши»⁶⁴, в защиту угнетенных, в защиту католиков. Надежды Наполеона III на быстрое и безболезненное подавление восстания не оправдались.

На протяжении января 1863 г., пока была надежда на скорое подавление восстания, позиция Наполеона III оставалась неизменной. Английскому послу лорду Коули⁶⁵ Друзен де Люис говорил: «Какие бы естественные симпатии император ни питал к польскому делу, его величество все же решил ничем не ободрять инсургентов и не делать ни одного шага, который можно было бы истолковать как недружественный акт в отношении России»⁶⁶.

⁶¹ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. ...

⁶² Цит. по: Там же. С. 146.

⁶³ Цит. по: Там же. С. 147.

⁶⁴ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878: В 2 т. Ростов н/Д, 1995. Т. 2. С. 217.

⁶⁵ Коули (Cawley) Генри Ричард Чарльз Вессли (1804–1884) — английский дипломат, лорд. В 1848 г. уполномоченный министр в Швейцарии; после являлся чрезвычайным посланником при Германской Конфедерации; в 1852–1867 гг. посол Англии в Париже.

⁶⁶ Донесение Коули Расселю. 14 февраля 1863 г. // Confidential Correspondence of the British Government respecting the Insurrection in Poland. P., 1863. P. 53–54.

Однако скоро стало очевидно, что Наполеон III и его министры не в состоянии будут бесконечно долго ограничиваться ролью смиренных ходатаев за Польшу перед царем. Неизбежно наступал момент, когда у императора французов не оставалось иного выхода, как вступить за Польшу⁶⁷. Приближение этого момента было ускорено английской дипломатией и конвенцией России и Пруссии.

Несомненно, что в этот период на Наполеона III очень многие приближенные пытались оказывать влияние. Еще в 1862 г. Д.А. Милютин отмечал: «В отношении к Польскому делу... император французов поддался сильному влиянию с двух сторон: с одной — императрицы Евгении, настойчиво действовавшей во имя католицизма, с другой — принца Жерома Наполеона, завязанного поборника всесветных революций. На польском деле сошлись эти две силы, стоявшие во всем другом в полном антагонизме»⁶⁸. В целом с такой оценкой можно согласиться, однако Милютин не учитывал того, что на Наполеона оказывалось и третье влияние: тех сил, которые выступали по-прежнему за сближение с Россией, да и сам французский император до 1863 г. явно занимал неактивную позицию в польском вопросе. Теперь же не только императрица Евгения и принц Наполеон, но и министр иностранных дел Друэн де Люис выступали за активное вмешательство в польское дело: «Я полагаю, что, выступая в пользу Польши, мы имеем возможность сблизиться с Австрией и вернуть империи ее симпатии к католикам»⁶⁹. Но были и противники вмешательства в польское дело: «...принцесса Матильда с самого начала восстания “громогласно (и даже с приправой привычных ей крепких слов) ругает поляков и французо-польскую горячку...”»⁷⁰

Тем временем «в Палатах французских... некоторые горячие защитники поляков и польского движения дошли до иступления в своих яростных нападках на Россию, — и в числе их первое место принадлежало принцу Наполеону... Нашлись однако же и некоторые, хотя немногие, ораторы, поставившие себе целью образумить слишком усердных ревнителей польского восстания... В числе их выступил министр без портфеля Бильо, который в замечательной своей речи выразился с полным уважением о личности императора Александра II... и заключил, что “мирная и либеральная политика российского императора, оцененная по достоинству державами, обезоружила прежнее недоверие Европы”»⁷¹. Наполеон III действительно пока «держался»: эта миролюбивая речь Бильо, призывавшая выбрать между политикой разумной и политикой неразумной, была гласно одобрена императором Наполеоном в форме письма на имя министра, опубликованного в «Монитёр»⁷².

Дискуссии по поводу Польши продолжались. 17 марта принц Наполеон выступил в Сенате со словами: «Я не хочу войны, но и мира я тоже не хочу»⁷³. Не-

⁶⁷ См.: *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. ... С. 149.

⁶⁸ Заметки, не вошедшие в рукопись «Воспоминаний» Д.А. Милютина. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. К. 11. Д. 30. Л. 16–17.

⁶⁹ *Aubry O.* Le Second Empire. P. 361.

⁷⁰ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 136.

⁷¹ Там же. С. 69–70.

⁷² См.: *Girardin E., de.* La Pologne et la diplomatie. P., 1859. P. 233.

⁷³ Цит. по: *Aubry O.* Le Second Empire. P. 362–363.

смотря на это заявление, Сенат огромным большинством (109 голосов против 17) отверг предложение о немедленном военном вмешательстве Франции в польские дела⁷⁴.

Французский император был настолько приведен в бешенство выступлением своего кузена, что даже выразил это в письменной форме (что случалось с ним крайне редко): «Признаюсь, я был удивлен увидеть, как ты отвечаешь на мое отношение к тебе на протяжении 12 лет и как ты злоупотреблял этим отношением. Воспоминания нашего детства для меня тоже дороги, но они ничего не значат при решении сегодняшних политических вопросов.

Накануне того дня, когда я должен был стать президентом республики, ты ни на минуту не прекращал говорить и вести себя таким образом, который расходился с моей политикой. То же продолжалось и во время моего президентства, и 2 декабря, и во времена империи. Как я отвечал на такое поведение? Только искал любой способ выдвинуть тебя вперед, предоставить тебе положение, достойное тебя и дать тебе возможность реализовать твои блестящие способности. <...> Что касается твоих выступлений в Сенате, они всегда доставляли моему правительству только серьезные неприятности. И ты еще жалуешься на мое недостаточное уважение? — да удивительно, что я ко всему этому терпимо относился на протяжении столь долгого времени...

Я никогда не приму и не одобрю, что кто-то выступает в Сенате как в клубе... Во время своего последнего выступления ты нанес ущерб всем моим хорошим отношениям с Россией...»⁷⁵

Но принц Наполеон был не единственным в своем мнении: «Впервые французское общественное мнение оказалось единодушным. В течение многих месяцев в частных беседах, в газетах и даже на лекциях в Сорбонне только и говорили, что о героизме повстанцев. Католики высказывались за защиту польской нации потому, что она страдала за католическую веру; для демократов польское дело было непрекаемой догмой: кто из них не помнил о польских эмигрантах, принявших деятельное участие в революционных битвах, даже в самом Париже? Даже поклонники традиций и консерваторы вспоминали об исторической роли Польши, верной союзницы Франции против австрийцев и Московского царства»⁷⁶.

Между тем во Франции приближались всеобщие выборы; поддержка Польши оказывалась для Наполеона III в тот момент средством увеличить свою популярность, а неоказание этой поддержки могло стать потенциально опасным. Теперь он действительно мог стать императором — освободителем угнетенных наций, настоящим национальным императором. Ввиду этого он без колебаний бросился в ловушку, которую ему давно подстраивали Англия и Австрия, чтобы положить конец франко-российской дружбе.

5 (17) апреля послы Англии, Франции и Австрии передали А.М. Горчакову депеши своих правительств с требованием прекратить войну в Польше, восста-

⁷⁴ См.: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 70.

⁷⁵ Письмо Наполеона III принцу Наполеону. Le Centre d'accueil et de recherche des Archives nationales (CARAN). 400 AP. 53. № 68.

⁷⁶ Тома А. Вторая империя (1852–1870). СПб., 1908. С. 136.

новить мир. Ответные депеши министра иностранных дел России подтвердили желание России закрепить за царством Польским автономию и водворить в крае мир, но не иначе как путем полного подавления мятежа.

Д.А. Милютин отмечает, что «Наполеон III, приняв на себя роль защитника и покровителя польской нации, не мог оставаться в бездействии ввиду возмущающего возбуждения в общественном мнении Франции против России. Он задумал стать во главе грозной коалиции, перед которой, по его расчету, русское правительство не могло не преклониться и не согласиться на всякие уступки в пользу поляков»⁷⁷. Именно так только и можно расценивать его проект создания независимой Польши, что, по мысли Наполеона III, должно было повлечь перекройку карты всей Европы⁷⁸. Однако его предложения не встретили одобрения ни в Лондоне, ни в Вене. Но после отклонения Россией депеш 17 (29) июня 1863 г. Европа оказалась перед выбором: воевать или нет с Россией за Польшу. Антирусская коалиция не состоялась.

Франция осталась в одиночестве. Наполеон III это понимал, и поэтому консультации с Морни, Бильо и др. в начале августа 1863 г. окончились решением «следовать линии мира»⁷⁹.

С целью сгладить понесенное им поражение Наполеон III в конце октября обратился ко всем государям, созывая их на общий конгресс в Париже для совместного обсуждения реальной политической ситуации в Европе (и потенциально для пересмотра постановлений Венского конгресса). В своем письме российскому императору от 17 (31) октября 1863 г. Наполеон III писал: «Все разы глубокие потрясения расшатывали основы и изменяли границы государств, они внезапно появлялись вследствие официальных соглашений... Таковыми были Вестфальский договор XVII в. и переговоры в Вене в 1815 г. Это было то последнее основание, которое создало сегодняшнюю Европу.

Если внимательно рассмотреть ситуации соседних стран, будет невозможно не заметить, что почти со всех точек зрения условия Венского договора были разрушены, изменены, забыты...» А далее французский император выдвигал идею созыва конгресса всех европейских стран⁸⁰.

На такое приглашение последовал ответ российского императора: «...в продолжение шести лет я освобождал свою империю от рекрутской повинности и предпринял важные преобразования, составляющие залог внутреннего постепенного развития и внешней миролюбивой политики. Только ввиду случайностей... я должен был уклониться от этого пути. Мое живейшее желание — получить возможность снова вступить на этот путь и избавить мои народы от жертв... Ничто не могло бы более приблизить это время, как повсеместное решение вопросов, волнующих Европу. Опыт свидетельствует, что действительные условия спокойствия мира не заключаются ни в невозможной неподвижности, ни в шаткости политического устройства... При этих условиях прямодушное согласие между

⁷⁷ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 128.

⁷⁸ См.: Внешняя политика России. Вторая половина XIX в. М., 1974. С. 69.

⁷⁹ Case Lynn M. French opinion on war and diplomacy during the Second Empire. N. Y., 1972. P. 183.

⁸⁰ Письмо Наполеона III Александру II. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1863 г. Д. 58. Л. 6–6 об.

государями всегда казалось мне желательным. Я был бы счастлив, если бы предложение, выраженное Вашим Величеством, могло привести к нему. Но для того чтобы это предложение могло осуществиться на деле, оно должно последовать не иначе, как с согласия прочих держав; для достижения же этой цели я полагаю необходимым, чтобы Ваше Величество соблагОВОили точно указать вопросы, которые, по вашему мнению, должны бы послужить предметом соглашения...»⁸¹

5 ноября открылась сессия французского Законодательного собрания. Во время своего выступления Наполеон III признал, что «дружественные советы Франции были истолкованы как угрозы» и потому не только не привели к желанному результату, но еще более ожесточили борьбу. «Что же остается делать?» — спрашивал себя Наполеон III. «Разве возможны только два выхода: война или молчание?...» И на эти вопросы отвечал: «Нет, есть средство избежать и войны, и молчания: это — передать польское дело на решение суда Европы. Россия уже объявила, что не сочтет оскорбительной для своего достоинства конференцию, на которой будут разбираться и другие вопросы, волнующие Европу...» Затем Наполеон прямо высказал свою заветную мечту: «Не настало ли время перестроить на новых началах здание, подкопанное временем и революциями? Не следует ли признать новыми договорами то, что бесповоротно совершилось, и с общего согласия осуществить то, чего требует сохранение мира? Трактаты 1815 года почти повсюду разрушены...» При этом Наполеоном высказана была надежда, что призыв его будет услышан: «Отказ заставил бы подозревать тайные замыслы, которые боятся света. Но если бы даже предложение это и не было принято единодушно, то оно и тогда доставит громадную выгоду, что укажет Европе, где опасность и где спасение»⁸².

Впрочем, и здесь у французского императора ничего не получилось, а с конца 1863 г. актуальность польского вопроса для европейских правительств угасла, поскольку, во-первых, стало понятно, что Россия справится с этим восстанием, а во-вторых, начался немецко-датский конфликт. Уже 21 января (2 февраля) 1864 г. посол России во Франции отмечал: «Очевидно сейчас, что, без сомнения, Франция не будет действовать без поддержки других государств, но она не хочет ни под каким видом кидаться в авантюры... Несмотря на все попытки польских смутьянов обрушить все свои жалобы только в адрес России, польский вопрос затрагивает в той же мере интересы и других соседних государств»⁸³. Д.А. Милютин дополняет эту информацию, отмечая: «В заседании 16 (28) января французского Законодательного собрания, завзятые защитники Польши воспользовались прениями об ответном адресе на тронную речь императора, чтобы поднять опять все прежние оскорбительные нападки на Россию и лично на русского Государя...

⁸¹ Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр II... С. 389–390.

⁸² Цит. по: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 316–317. О намерении императора французов фактически пересмотреть под предлогом обсуждения польского вопроса венские запореты говорят многие исследователи: см., например: *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004. С. 313; *Панченкова М.Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 6. С. 113.

⁸³ Барон А.Ф. Будберг — А.М. Горчакову. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 114. Л. 70–73.

Однако ж, неприличные эти выходки вызвали со стороны правительственных ораторов дельные и сочувственные к России возражения; после красноречивых объяснений Морни и Руэ, все предложения в пользу Польши были отвергнуты даже без голосования. Очевидно было, что правительство Наполеона III, сознав ошибочность прошлогодней своей дипломатической кампании и считая дело польского восстания поконченным, не находило уже расчета снова возбуждать какие-либо политические усложнения и даже показывало желание поправить свои натянутые отношения к России»⁸⁴. Даже принц Наполеон в конце января 1864 г. объявил, «что ему бы не хотелось поддерживать напрасные иллюзии... и что было решено не предпринимать ничего в поддержку Польши»⁸⁵.

1 (12) мая 1864 г. Будберг передает: «Аудиенция, которую он (Владислав Чарторыйский. — Л.П.) столь настойчиво просил у императора Наполеона и наконец добился, повергла эмиграцию в полное смятение. Чарторыйский спросил императора Наполеона, каковы будут его действия в пользу Польши. Ответ был настолько малоудовлетворителен, что Чарторыйский сразу после этой встречи выпустил публикацию, в которой заявил, что в дальнейшем не следует рассчитывать на иностранное вмешательство»⁸⁶. Позже Будберг заявил, что «он не верит в то, что может быть полезным продолжать сопротивление»⁸⁷.

Таким образом, польский вопрос оказался фактически исчерпанным для французского императора. Инициативы польской эмиграции, пытавшейся воздействовать на Наполеона III, оказались бесполезными.

* * *

16 (28) мая 1867 г. Александр II в сопровождении Горчакова выехал в Париж, куда прибыл 20 мая (1 июня). Он ехал в Париж в хорошем настроении: помимо надежды на улучшение франко-русских отношений ему было интересно посетить Всемирную выставку, о которой столько говорили, и знаменитую оперетту Ж. Оффенбаха «Великая герцогиня де Герольштайн». Разумеется, польская эмиграция не могла упустить такой случай, чтобы засвидетельствовать российскому императору свое «почтение». Какой именно прием встретил в Париже российский император, точно неизвестно. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях писал, что «на всем пути вся масса народа приветствовала русского императора»⁸⁸. Однако французские источники свидетельствуют, что парижане приветствовали Александра II довольно холодно и что крики в поддержку поляков были вовсе не такими редкими, не такими тихими и не так уж заглушались возгласами «Да здравствует император!», «Да здравствует царь!»⁸⁹. А сами польские эмигранты устраивали манифестации на улицах, площадях и даже в Дворце правосудия: кучка адвокатов во главе с Шарлем Флоке принялась при появлении Александра II скан-

⁸⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. С. 400–401.

⁸⁵ Барон А.Ф. Будберг — А.М. Горчакову. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1864 г. Д. 114. Л. 96–96 об.

⁸⁶ Там же. Л. 352–352 об.

⁸⁷ Там же. Л. 353.

⁸⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 486.

⁸⁹ См.: Труайя А. Александр II. М., 2007. С. 171; Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. С. 488.

дировать: «Да здравствует Польша!»⁹⁰ Высочайшее повеление российского императора о прекращении всех следственных дел, связанных с польским восстанием 1863 г., и разрешение высланным в Сибирь полякам вернуться на родину⁹¹ не произвели, очевидно, впечатления на французское общество, хотя, как писал поверенный в делах Франции, «мотив этого шага — желание угодить Его Величеству (Наполеону III. — Л.П.) и избежать упоминаний о Польше во время их бесед»⁹². Впрочем, как известно, российского императора ждало в Париже испытание посерьезней, чем манифестации поляков, — это выстрел Антона Березовского 6 июня 1867 г. Вернувшись в Елисейский дворец, Александр II принял императрицу Евгению, которая, разрыдавшись у него на груди, умоляла его не сокращать свой визит из-за этого «инцидента»⁹³. Император согласился. Позже, словно желая вызвать еще большее негодование Александра II и российского общества, адвокат Березовского Э. Араго на процессе обрушил на царя потоки злобной критики, а присяжные, потрясенные его речью, нашли в действиях поляка смягчающие обстоятельства и сохранили ему жизнь, приговорив к пожизненному заключению⁹⁴.

Тем не менее карта польской эмиграции во Франции была разыграна. В некоторые периоды поляки были интересны французскому правительству как союзники, которых можно было использовать в дипломатической игре или даже военном противостоянии с Россией, стоило только обещать им государственную поддержку в вопросе о независимости. В другие периоды оказывалось, что поддержка независимости поляков не на руку французам, налаживающим добрые отношения с Российской империей. В любом случае, польская эмиграция в Париже, хоть и была вполне заметной общественной силой, на самом деле не могла влиять на французскую внешнюю политику. Прямые интересы польской эмиграции и французского правительства совпали только однажды, во время похода 1812 г., а потом, хотя французское правительство и раздавало щедрые обещания, до реальной поддержки дело не дошло даже тогда, когда восставшая Польша отчаянно обращалась за помощью в Париж (да и не только в Париж).

С падением Второго польского восстания стало совершенно очевидно, что до серьезных потрясений в европейской политике полякам не стоит питать особенно серьезных надежд на вмешательство держав в вопрос независимости Польши. Эмиграция во Франции перестала быть заметной политической силой, а отель «Ламбер» из центра политических речей и прокламаций стал не менее заметным, но куда более мирным культурным центром польской диаспоры.

⁹⁰ См.: *Cars J. de Eugénie. La dernière Impératrice ou les larmes de la Gloire.* P., 2000. P. 457.

⁹¹ См.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М., 1989. С. 125.

⁹² Копия донесения поверенного в делах Франции. CARAN. 400 AP. 69.

⁹³ См.: *Aubry O.* Le Second Empire. P. 410.

⁹⁴ См.: *Труайя А.* Александр II. С. 174.